

ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

Солдат Вермахта, представившийся как Oberschütze (старший стрелок – ВК) Siebenbrot, принимал участие в боевых действиях против британцев и французов в Ливийской пустыне и в Тунисе и провел несколько лет в плену в США и Великобритании. Он вспоминает войну, годы плена и делится впечатлениями о союзниках и противниках...

Меня призвали в армию в феврале 1941 в возрасте 19 лет, и базовую подготовку я проходил в Геттингене (Göttingen). В июле нас перевели в военный лагерь (*Truppenübungslager*) в Мюнстере для завершения обучения. Затем меня спросили, хочу ли я попасть в Африку. Я согласился и был отправлен в Потсдам, где нас собрали в *Sonderverband* (специальном подразделении). Изначально часть называлась *Sonderverband 288*, и позднее мы узнали, что нас собирались забросить в Ирак для захвата нефтяных промыслов. *Sonderverband* по организации отличалась от типичного батальона, который обычно состоял из 3-4-х рот. У нас было 7 рот. Первая рота была укомплектована иностранцами, выросшими на Ближнем Востоке, которые, в целом, могли говорить на 20 различных арабских диалектах. Вторая рота называлась *GebirgsJäger* (*горные стрелки - ВК*). Третья рота, в которой оказался я, была пехотной, четвертая – разведывательной. Пятая рота была ударной и имела на вооружении легкие и тяжелые минометы. Шестая рота была подразделением ПВО, а седьмая была вооружена противотанковыми ружьями. В нашу часть также входили подразделение, ответственное за водоснабжение, и полевая типография. Мы были моторизованной частью.

Я был связным, отвечал за доставку приказов и распоряжений, но меня использовали и как простого пехотинца. Поскольку наша часть была небольшой, и ожидалось большие потери, нас готовили к выполнению самых разных обязанностей во всех ротах на тот случай, если люди будут выходить из строя. Каждый готовился к тому, чтобы заменить любого солдата. Например, как пехотинец я был обучен использованию винтовки, пулемета и других видов стрелкового оружия, но нас также обучали применению минометов, противотанковых ружей и зениток. К концу курса обучения, в сентябре, каждый в нашей части был обучен использованию всех видов оружия. Затем нас погрузили на поезд, и мы тронулись в путь. Дорога шла через Югославию, где поезда постоянно подвергались атакам партизан. Добравшись до Белграда, мы услышали по радио, что британцы оккупировали Южный Ирак, в том числе, - Басру – место, куда направлялась наша часть. Мы продолжили свой путь в Грецию и закончили путешествие к югу от Афин на полуострове Атика. Нас быстро расквартировали, потому что командование не знало, что с нами делать. Мы пробыли там большую часть зимы, продолжая обучение. Поскольку наша часть была экипирована и обучена для боевых действий в тропиках, было решено перебросить нас в Африку. В итоге мы добрались до порта Лессе (*юг Италии – ВК*).

В марте 1942 наша рота погрузилась в небольшой самолет, чтобы отправиться в Африку. Это был старенький примитивный итальянский самолет, обтянутый брезентом. Бедный самолетик был перегружен и еле оторвался от земли. Чтобы не попасть под огонь британских истребителей, пилот вел его на высоте примерно 200 футов над морем. В итоге мы приземлились в Дерне (*Ливия – ВК*) в целостности и сохранности...

В начале июня 1942 г. наша часть, получившая новое название *Kampfgruppe Menton*, в первый раз вступила в бой. Нас бросили на Эль Адем (El Adem) – британцы долго не продержались, и мы быстро захватили этот городок. Затем нашу часть перебросили под Бир Хакейм (Bir Hacheim), где упорное сопротивление французских легионеров, которыми командовал генерал Кениг, задержало наше наступление. Французы построили превосходную сеть укреплений и не собирались отступать. Через 10 или 12 дней они дрогнули, однако наша рота не вступала в бой вплоть до последних дней сражения. В итоге французы были окружены, но ночью сумели вырваться из кольца и уйти. После захвата Бир Хакейма британцы перешли в атаку. Контрудар был сильным, нам пришлось отступить безо всякого промедления и удалось избежать окружения и плена. Затем

наступление британцев выдохлось, и Роммель сумел вновь оттеснить их к египетской границе. Наша часть остановилась в районе городов Бардиа и Соллум. К этому времени Тобрук был отрезан и осажден, и нас переместили в резерв, придерживая на позициях к югу от Тобрука. Затем был снова Египет – мы переместились в район к югу от Мерса Матрух (Mersa Matruh), оставив британцев более чем в 100 км за своей спиной...

Где-то в это время, в сентябре, меня начал донимать артрит. Я был отправлен в Тобрук, который к тому времени был захвачен нашими войсками. По дороге туда нас атаковали самолеты противника. Мы быстро соскочили с наших грузовиков и попрятались кто где... Меня едва не зацепило во время этой атаки. Грузовик был только слегка поврежден, и мы продолжили свой путь. Прибыли в Тобрук мы около полудня, город был запружен машинами, поскольку с фронта прибывало множество раненых. Наконец, часов в 8 вечера, врач осмотрел меня и решил, что поскольку артрит в жару залечивается плохо, меня нужно отправить обратно в Неаполь на госпитальном судне. На судне рядом со мной лежал индеец, пытавшийся заговорить со мной. Я плохо понимал по-английски, но разобрал, что он был ранен во время нашей танковой атаки. То есть, о раненом солдате противника тоже полагалось заботиться... Я провел месяц в Неаполе и, когда уже мог нормально ходить, был отправлен обратно в Германию выздоравливать. После еще одного месяца в Южной Германии (рядом с Бодензее) я отправился в штаб/сборный пункт моей части в Кюстрине. Получив двухнедельный отпуск, я поехал домой, а по возвращении на сборный пункт несколько недель проработал на картофельной ферме. В декабре нас отправили в Графенвёр (Grafenwöhr), где располагался тренировочный военный лагерь. Там мы влились в 756-й Горнострелковый (*GebirgsJäger*) Полк, и на этот раз я оказался в пехотном взводе. Накануне Рождества нашу часть погрузили на поезд, который повез нас в Палермо, в Италию...

В начале января 1943 г. мы погрузились на небольшой лайнер, на котором прибыли в Бизерту. Уже вскоре полк был переброшен на фронт, и нашей первой боевой задачей стало занятие какой-то высоты. Мы ее взяли - там я впервые столкнулся лоб в лоб с противником, да так, что их глаза можно было разглядеть. В той атаке на высоту я единственный раз в жизни применил ручную гранату. Марроканцы, против которых мы вели бой, отлично замаскировались, и когда я бросил в них гранату, они уже отступили со своих позиций. В последующие несколько дней бои продолжались с переменным успехом, и через какое-то время нас перебросили на более спокойный участок фронта, на побережье, где мы отдыхали и занимались установкой мин-ловушек. Затем у нас был ночной марш-бросок протяженностью в 60 км, и уже утром мы пошли в атаку на позиции французов. Все оставшиеся в нашем взводе – 30 человек – побежали вниз по склону с воплями и криками. Мы застали французов врасплох, и они незамедлительно сдались. Взвод взял в плен около 120 человек. Война в Африке, хочу сказать, велась по-честному, обе стороны уважали друг друга – совсем не так, как в России. Я не видел, чтобы пленных расстреливали или чтобы с ними плохо обращались. В одном случае, после ожесточенного столкновения, на поле боя осталось много раненых, поэтому было заключено соглашение о временном прекращении огня. Обе стороны стали подбирать своих раненых, и никто не осмелился нарушить перемирие. В другом случае, ближе к окончанию боев в Тунисе (в апреле), в один солнечный день, наша рота, в которой осталось 10 человек, окопалась на холме. В каждом окопчике было по два человека, сами окопчики было примерно в 10 футах друг от друга. Неожиданно в поле зрения показался британский танк. У нас вообще не было никакого противотанкового оружия. По-видимому, один из парней в соседнем с нами окопчике привлек внимание танкистов, и они выпустили снаряд, который угодил в этот окопчик. Оба парня были ранены и стали кричать, взывая о помощи. К нашему окопчику подбежал санитар с носилками и обвязал мою руку полосой белой ткани. Мы выскочили из окопчика и побежали к раненым – танкисты видели нас как на ладони, так как находились не более чем в 25 метрах от нас. Один из наших парней был уже мертв, другого мы подобрали. За все это время танк ни разу по нам не выстрелил...

Но грустный конец был неминуем. Мы уступали врагу по численности в 5 или 6 раз, оружия у нас оставалось мало, и 8 мая войска Оси сдались союзникам. Мы перевалили черз какую-то горку и подошли к какому-то британским танкам. Танкисты угостили нас сигаретами, мы их – шоколадом. Они вели себя очень дружелюбно. Затем нас отправили в наскоро подготовленный лагерь рядом с

городком Bone. В лагере кормили нас очень плохо, поэтому мы предпринимали попытки раздобыть яйца или *sous-sous* (разновидность паровой пшеничной каши - ВК) у местных. После этого нас морем перевезли в Oran. К этому времени мы все завшивели, и нам устроили дезинфекцию.

Немецкие военнопленные после капитуляции войск Оси в Тунисе (<http://www.war44.com/war-north-africa/2831-german-surrender-tunisia.html>)

В тот же день нас погрузили на пару американских судов, возвращавшихся в Штаты. 30 мая 1943 г. мы прибыли в Нью-Йорк, а 3 июня поезд привез нас в лагерь для военнопленных в городке Huntsville, штат Техас. Лагерь был разделен на три части, в каждой из которых находилось по 1200 человек. Рядом с лагерем было поле для спортивных игр. Каждый военнопленный имел право на рацион, полагающийся обычному солдату - нас кормили достаточно хорошо, жалоб было мало. В начале работы для нас не было, и мы просто делали какие-то мелочи в лагере: стригли лужайки и пр. Нам также разрешили изучать иностранные языки (английский, французский и испанский), читать и писать, заниматься математикой и т.п. – все это организовывалось самими заключенными. Заключенными также выпускалась ежемесячная газета. В лагере были часовня, оркестр, театр, и раз в месяц проводились представления – играл оркестр, кто-то пел, ставились пьесы. В этом лагере мы впервые в жизни стали питаться кукурузой, поскольку в Германии ею кормят домашнюю птицу. Один военнопленный даже сочинил такой стишок:

*Mais fñrdert in allen lendern
Bei Hñnern die legerei.
Bei uns braucht's nicht zu versuchen,
Wir legen ja doch kein Ei.*

*По всему миру растят кукурузу,
Всюду ей кормят курей-несушек,
Не трудитесь над этим с нами -
Все равно мы яиц не снесем*

В конце концов нас решили заставить немного поработать и отправили на хлопковые поля. Из упрямства мы решили держаться друг друга и собирать в день только определенное количество хлопка. В прошлом у нас всегда было два выходных дня на Троицу (*Pfingsten*), поэтому в первый день праздников мы решили не выходить на работу. Американцы закрыли в лагере почти все, включая кухню, поэтому на второй день военнопленные решили выйти на работу. Затем оказалось, что на местной рисовой ферме для уборки урожая нужны рабочие руки, и некоторых из нас туда и отправили. Каждое утро фермер приходил, чтобы отвезти нас на работу и привезти обратно в конце дня. К тому времени я уже неплохо подучил английский и стал переводчиком для нашей группы, в которой было с десяток парней. Это фермер был прекрасным человеком. Лагерная еда была не самой лучшей в мире, а жена фермера каждый день давала нам что-то новое, приготовленное из риса, и мы с удовольствием это съедали.

*Немецкие военнопленные проводят свободное время в одном из лагерей на территории США. К концу войны их численность в Штатах достигла 300 000 человек
(http://www.oldmagazinearticles.com/german_prisoners_of_war#.VFDzMRbGZWM)*

В начале 1944 г. меня перевели в другой лагерь, в штате Алабама. Там я столкнулся с определенной несправедливостью. Американцы пытались заставить унтер-офицеров работать, но по Женевской Конвенции офицеры работать не должны. Унтер-офицеры отказались работать и стали получать очень маленькие пищевые рационы, а мы подкармливали их, бросая им кое-какие продукты через ограду. Затем некоторых из нас перевели во Флориду, в местечко к югу от Майами. Сначала я работал на большом армейском складе. Там были мастерские, где ремонтировали старые армейские грузовики, которые потом посылали в Россию. Военнопленным не полагалось работать на промышленных предприятиях, поэтому мы занимались ремонтом зданий, стригли газоны и пр., потом еще закатывали грузовики на железнодорожные платформы. Я еще поработал в ремонтном цеху аэропорта Майами и в покрасочном цеху (чем занимался до войны). В этом лагере я встретил парней, которые собрали радиоприемник, и мы стали слушать радиопередачи из Гаваны (один из парней говорил по-испански) и местные радиостанции. В то время Куба, в какой-то степени, относилась к Германии дружелюбно, и мы слушали немецкие новости из Гаваны, которые сильно отличались от того, что рассказывалось в американских радиопередачах. Думаю, американские передачи были гораздо правдивее... В Майами я оставался до конца войны.

В апреле 1946-го нас отправили в Нью-Йорк, где погрузили на судно, отправлявшееся в Антверпен. В итоге мы оказались в контролируемом британцами лагере к югу от Брюсселя. Лагерь был обнесен колючей проволокой, иметь палатку считалось большой удачей, одеял на всех не хватало, а питались так, как в страшном сне. Еда была отвратительной, и смертность среди военнопленных в этом лагере была довольно высокой. Однако те из нас, кто вернулся из США, были неплохо откормлены, так что с нами ничего не случилось. Мы провели в этом лагере всего 6 недель, но было видно, как сильно все мы исхудали за это короткое время. Затем по непонятным причинам нас морем отправили в Англию. Там нас встретил английский майор или полковник, который впечатлил нас следующим заявлением: «Здесь вы будете помогать отстраивать эту страну в отместку за то, что разрушили большую ее часть...» По меньшей мере, этот малый поступил по-честному, сразу сказав, что нас ждет. В Англии мы провели год. Сначала трудились на ферме, затем рыли траншеи под водо- и газопроводы и канализацию, какое-то время работали на кирпичном заводе. Шел уже 1947-й, и мы вот-вот должны были отправиться домой. Нас разделили на три категории: нацисты, *mitläufer* (теплого относившиеся к нацистам - ВК) и антинацисты. Антинацистов отправляли домой в первую очередь. Я был в промежуточной категории. Последними уезжали те, кто предположительно был нацистом. Их отнесли к этому типу, потому что они плохо вели себя на допросах. Я прибыл домой в старой британской военной форме, заплатки на которой указывали, что я – военнопленный.

Какой была война в пустыне? Прежде всего, - в пустыне много на себе не унесешь – только необходимое: оружие, снаряжение, одну смену носков и белья – вот и все. Когда меня отправили в Италию, на мне не было ни одного клочка немецкой униформы, кроме кепи. Во время боев мы переворачивали вверх дном захваченные у врага или брошенные им грузовики, чтобы найти что-то из одежды. То есть, едва ли кто-то из нас носил положенную форму. Даже что-то из нашего снаряжения было трофейным. Если удавалось отремонтировать трофейные грузовики, мы их тоже использовали. В целом, снабжали нас плохо, вот и приходилось выкручиваться, используя то, что попадало в руки...

Если случался день отдыха, мы просто ничего не делали или по возможности стирали одежду. А так часть была все время в движении. Мы постоянно натыкались на вражеские колонны. Припоминаю случай, когда мы наскочили на небольшую группу британских грузовиков. Нас было немного, но мы подбили грузовики, а затем залезли в них и вытащили все, что смогли: продукты, воду, вообще все хоть немного полезное. Помню одну неделю, когда мы целиком и полностью продержались на захваченных у британцев продуктах, поскольку наша полевая кухня за нами не поспевала.

Нашим командиром роты был обер-лейтенант Шредер (Schröder). Честно говоря, мы недолюбливали нашего командира. Он слишком жестко следовал букве устава. Ну, например, представьте себе, что вы были в боях, недосыпали, и тут, когда рота отдыхает, появляется офицер и требует, чтобы ты почистил свою винтовку. И тебе приходится плохо, если на ней оставалась хотя бы пылинка, ну а в тех условиях этого было трудно избежать. Я понимаю, что даже на отдыхе солдат нужен чем-то занять, но после боев или на марше, когда не спишь по два-три дня, почему бы просто не дать солдату выспаться?.. Нас хорошо подготовили к войне, но я не любил армию. Обращались с нами довольно сурово. Когда тебя наказывают за то, чего ты не делал, смириться с этим тяжело, когда офицер обращается с тобой несправедливо, это плохо.

Один раз мне довелось столкнуться с Роммелем. Мы были на привале, и была моя очередь стоять на посту. Вдалеке я увидел группу автомобилей, и когда они стали приближаться к нам, я разглядел, что это были немецкие машины. При мне была винтовка, а из одежды только кепи и шорты. Я помахал им рукой, подбежал поближе и увидел, что это был сам Роммель со своим кортежем. Я доложил как положено, сказал, к какой части мы относимся, и сообщил, что неподалеку находится минное поле – в том направлении, куда они двигаются. Роммель сказал: «Да мы знаем, знаем», а затем спросил меня: «Откуда вы?» - Я ответил: «Я из Люнебурга.» - "Ооо... Люнебург,» - сказал он. «Бывал там...» Времени у него было немного, и он тронулся дальше. Вообще, это было здорово - воевать под командованием Роммеля. Я думаю, каждый из тех, кто воевал в Африканском Корпусе, восхищался Роммелем. И если он говорил: «Парни, мы хотим взять Бардию», каждый хотел добиться этого. Он всегда просил солдат сделать больше, чем от них можно было ожидать. Он был очень требовательным, но мы с радостью выполняли его приказы. Мы уважали его, потому что он был справедлив. С пленными в Корпусе обращались безупречно. Кроме того, он держал эсэсовцев вдали от Африки и отказывался брать под командование какие-либо части СС. Им также восхищались и в 8-й (британской – ВК) Армии.

Роммель беседует со своими солдатами на передовой (<http://home.online.nl/cclinks/abtf/desert-1.html>)

Он был доволен своими солдатами, хотя с некоторым предубеждением относился к итальянцам. Вспоминая войну, я думаю, что итальянцам приходилось тяжело. У них не было хорошей бронетанковой техники, да и кормили их плохо. Мой итальянский друг, который служил в итальянской армии, рассказывал мне, что еда была отвратительной. Кроме того, их армия отличалась сильным классовым расслоением, в отличие от германской армии (по меньшей мере, в отличие от Африканского Корпуса), где офицер ел то же самое, что и рядовой. Не так было у итальянцев. Как следствие, боевой дух у итальянцев был не так силен, как у немцев, что вполне понятно. По моему мнению, не стоит принижать достоинства итальянцев, как это всегда делается. Они были хорошими парнями. Как-то раз у нас закончился запас воды. Наши фляги вмещали не более $\frac{3}{4}$ литра, тогда как у итальянцев фляги вмещали, по меньшей мере, 2 или 3 литра. Тут появилась группа итальянцев и предложила нам воду. Мы были несказанно благодарны им! Но, как я уже говорил, их вооружение было не самым лучшим, танки ужасными, поэтому они и постоять за себя толком не могли. Потом, у них не было грузовиков. Попытайтесь маршировать по пустыне и сражаться при этом... Перемещались они обычно в ночное время. Иногда и у нас не было грузовиков, но у итальянцев лишь немногие части были моторизованными. Нужно принимать это во внимание...

Говоря о противнике, я бы сказал, что британские танки были хуже наших. Они были не столь быстрыми, и их огневая мощь была недостаточной. Однако, британцы превосходили нас в артиллерийской мощи. Прежде всего, у них было в этом отношении численное превосходство. Кроме того, наше снабжение было неважным, и приблизительно 40% грузов уходило на дно с потопленными транспортом. Британская авиация также превосходила нашу. У них было больше самолетов, больше топлива. У нас было совсем мало бомбардировщиков, в основном, истребители, но зато у нас были 88-миллиметровые орудия! Они были намного мощнее всего того, что было у британцев. Я думаю, они могли стрелять на расстояние до 9 км. Британские танки не могли вести огонь с такого расстояния, и мы могли уничтожать их до того, как они просто смогут открыть огонь. Как солдаты британцы нам не уступали. Наверное, какие-то части были в чем-то похуже, но, в общем, они были достойным противником. Кроме того, их очень хорошо снабжали. Однако, их командиры, в каком-то смысле, не проявляли решительности в атаке, и иногда казалось, что они слабо представляют себе, что происходит на поле боя... Часто спрашивают, какое влияние на ход кампании оказали британские диверсионные группы (*British Long Range Desert Force*). Им сопутствовала удача, но далеко не всегда. Они совершили рейд на штаб-квартиру Роммеля, но окончилось это для них довольно плачевно. Эти группы проникали глубоко за линию фронта и обычно выдвигались с юга. Чаще всего их рейды носили разведывательный характер, но иногда, сталкиваясь с небольшими частями, они атаковали или имитировали атаку, а затем быстро исчезали. Их действия не нанесли ущерба нашему боевому духу – мы их не боялись. Я не слышал о том, чтобы им удавалось нанести нам какой-либо существенный урон. Мы о них знали, но слышали не так уж много...

Одно из немецких военных кладбищ в Северной Африке
(<http://histomil.com/viewtopic.php?f=95&t=3918&start=1330&hilit=144>)

После войны я принял участие в двух встречах солдат Африканского Корпуса. В обоих случаях среди гостей были вдова и сын Роммеля. Заканчивая рассказ, скажу, что я потерял 8 или 9 лучших лет своей жизни. Когда возвращаешься домой с войны, начинаешь делать то, что мог бы сделать тогда, когда тебе было 17 или 18, с опозданием на много лет. Особенно теперь, зная, что война была проиграна, чувствуешь, что эти годы у тебя украли, и многие задают себе вопрос: какой в этом был смысл и за что мы сражались?

Оригинальное интервью – Martin Schenkel -

<http://histomil.com/viewtopic.php?f=232&t=10909&p=84281&hilit=hard>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

О ВОЙНЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕЙТЕНАНТ ВЕРМАХТА Eberhardt Von Machui

Лейтенант Eberhardt Von Machui (на фото слева) служил в артиллерийском полку 28-й Дивизии Легкой Пехоты (28 Jäger Div., Wehrkreis VIII, эта дивизия была также известна под названием «Дивизия Кавалеров Железных Крестов»). Перед тем, как добровольно пойти в армию в октябре 1939 г., он служил в RAD (Reichs Arbeits Dienst - Трудовая Служба Рейха – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения) в районе Бреслау (Силезия). Пройдя офицерскую подготовку, он получил звание лейтенанта в апреле 1940 г. В его семье несколько поколений мужчин были солдатами. Его отец был знаком в фельдмаршалом фон Клейстом, имение которого располагалось неподалеку от дома его родителей. Брат лейтенанта Machui был кавалером Рыцарского Креста, получил на фронте 14 ранений и погиб в конце войны в Прибалтике. Еще один брат пропал без вести на Восточном фронте...

28-я Дивизия была старой воинской частью с долгими и крепкими традициями. Это было сплоченное и эффективное соединение - все ее военнослужащие были родом из Силезии. Нарушения дисциплины были редкостью, трудно даже что-то подобное припомнить. Порядок был у нас настолько строгим, что американские солдаты при первой же встрече поразили меня именно своей недисциплинированностью и хулиганскими замашками. У нас за нарушения наказывали строго: например, за изнасилование карали смертной казнью, и это было неотвратимо. Любой, кого заставляли спать на посту, мог по приказу командира быть отправлен в штрафной батальон. Эти части использовали при очистке минных полей, они вызывали огонь на себя, чтобы засечь огневые точки противника, да и вообще получали смертельно опасные задания.

Мы прошли военную подготовку в городке Schweidnitz (Силезия), где базировалась 28-я Дивизия. В нее входил артиллерийский полк, вооруженный чешскими 150-мм гаубицами Skoda. Обучение проходило с октября 1939 г. по март/апрель 1940 г. Базовая подготовка никак не напоминала медовый месяц, однако, вспоминаются слова одного вахмистра-артиллериста (Wachmeister),

который говорил нам, в какой-то степени, добросердечно, что чем больше знаний мы приобретем сейчас, тем больше у нас будет шансов выжить потом... Мы продолжили подготовку во Франции, близ Бордо, уже после завершения военной кампании. На более позднем этапе войны подкрепления для 28-й Дивизии также готовили во Франции, но длилось это уже всего два месяца, и солдаты прибывали на фронт неважно обученными. Мой брат - Heinrich Machui (на фото слева) - был одним из таких солдат. Вскоре после прибытия на фронт он погиб. Он был в патруле и попал в засаду. Трупы его товарищей были найдены, а тело Хайнриха так и не нашли. Несколько дней спустя линия фронта переместилась, и на захваченном командном пункте русских обнаружили солдатскую книжку Хайнриха. Он так и пропал без вести...

На войне не до веселья. Ребята у нас были серьезные, и забавные случаи были редкостью. У некоторых были шуточные клички, например, *Колченогий Геббельс*. Помню, что много было забавных историй и анекдотов о Рейхсмаршале Геринге, но в точности не могу воспроизвести ни одной из них... Были шуточные жаргонные названия: *Goulashkanone* (*Гуляш-пушка* - полевая кухня), *Kettenhunde* (*буквально – сторожевой пес – кличка представителей полевой жандармерии – ВК*), *Knobelbecher* (*жаргонное название солдатских сапог, буквально – чашки для игры в кости*), что-то еще. Было в нашем подразделении несколько хороших певцов, ну, конечно, очень популярной была песня *Lili Marlene*.

Была у нас лавочка - *Marketenderwäre*, где солдаты могли купить что-то такое, чем не снабжали в армии или снабжали, но в недостаточном количестве. Например, это могли быть расчески, бритвенные лезвия, зубная паста, бумага, ручки и т.д. Хотя нам выдавали мыло, оно было отвратительного качества и годилось только для стирки. *Marketenderwäre* находилась в штабе Дивизии, и хозяйничал в ней *Zahlmeister* (*Интендант - ВК*). Над интендантами всегда подсмеивались, поскольку никто не считал их настоящими солдатами...

Так называемые *Führer Geschenk* (*Подарки Фюрера*) выдавались солдатам, отправляющимся в отпуск - их раздавали на железнодорожных станциях. В них были продукты на время путешествия: колбаса, галеты, сыр и т.п. Не знаю, было ли это обычным для всего периода войны, но в 1942-м, когда я отправлялся в отпуск из Крыма, и в 1943-м, когда я ехал домой из Белоруссии, я получал эти продуктовые пакеты. Принимали мы их с радостью, поскольку каждый из нас ходил голодным. Что касается неприкосновенного запаса (*eiserne Portionen*), то он был у каждого и носили его в так называемом хлебном подсумке (*Brotbeutel*). Открывать этот запас мы могли только по приказу командира и в исключительных обстоятельствах. Мне не приходилось есть что-то из него, но знаю, что в нем были галеты и говяжья тушенка. Если солдату попадал в руки лишний рацион сверх положенного, он носил его в противогазной сумке вместо выброшенного противогаса. В нашем подразделении очень многие выбрасывали свои противогазы, хотя за это сурово наказывали: дополнительное время в карауле, вычеты из содержания и пр. Я ни разу не использовал противогаз во время войны. В боезапасе нашего артиллерийского подразделения были газовые снаряды, но их ни разу не пустили в ход.

Припоминаю, что армейские носки были сделаны из шерсти очень низкого качества и плохо носились. У меня были хорошие носки, присланные из дома, поэтому я не использовал портянки (*flußlappen*). Вообще, портянки были сделаны из холста или белой шерсти, и в них было потеплее. Они не снашивались так быстро, как носки: их можно было поворачивать с носка на пятку, кроме того, солдаты прокладывали портянки газетными листами, которые впитывали влагу.

Под Москвой было зверски холодно. Нашу часть отвели с фронта в ноябре 1941-го на отдых, но незадолго до этого я был ранен в голову – пуля пробил нижний край каски. Есть старая солдатская поговорка времен 1-й Мировой: «Никогда не зажигай больше двух сигарет с одной спички.» Я зажег три и был ранен. Несколько месяцев я провел в госпитале, прежде чем вернуться на фронт, под Севастополь. Госпиталь находился в Ливадийском дворце, и я помню, что он произвел на меня впечатление своей роскошью... Под Керчью наша часть понесла тяжелые

потери. В этих боях мы использовали крымских татар во вспомогательных подразделениях, и, должен сказать, что эти люди ненавидели коммунистов и отличались надежностью и храбростью...

Солдаты из разных частей Рейха отличались друг от друга. Например, эльзасцы были никудышными солдатами: они были из провинции, которая несколько раз переходила из рук в руки на протяжении нескольких столетий, и это оказало ослабляющее воздействие на их воинские способности. Силезцы были отличными солдатами, хотя, признаться, я к ним немного равнодушен. Парни из Восточной Пруссии тоже были крепкими бойцами. Но русские были лучшими из всех солдат, которых я когда-либо видел. Они знали свое дело, превосходно сражались в ближнем бою, в своих степях и городах. Я участвовал в уличных боях в Смоленске в 1941-м, и, в то время как наша артиллерия еще не подтянулась, мне пришлось вести в бой свое подразделение. Русских было необходимо убивать, поскольку они не отступали и не сдавались. Те немногие из них, кто попадал в плен, были или тяжело ранены, или уже без сознания. На меня и моих солдат все это подействовало отрезвляюще... К западу от Смоленска, перед тем, как войти в город, мы прошли через участок фронта, на котором несколько дней назад было отражено несколько лобовых атак русских... Мы пересекли его в гробовом молчании. Я понял, что русский солдат может проявить потрясающую храбрость даже несмотря на то, что им плохо командуют, и может выжить, имея минимум необходимого...

Свой Железный Крест 2-го класса я получил, когда наводил огонь артиллерийского батальона, который остановил мощную атаку русских. Это случилось в 1941-м под Москвой. В 1942-м, под Севастополем, я получил Железный Крест 1-го класса. До меня трое артиллерийских наблюдателей были убиты прямо в той точке, где находился я. И снова я наводил огонь артиллерийского батальона, остановившего атаку противника. Крест мне вручал лично командующий дивизией генерал Sinnhuber.

Eberhardt Von Machui на фронте – крайний слева на левом фото (Крым, 1942); на правом фото - под Севастополем в качестве артиллерийского наблюдателя (1942)

В 1943-45 гг. я практически не участвовал в боях, поскольку у меня появились проблемы с равновесием из-за полученной раны в голову. В январе 1945-го меня отправили в Бреслау на операцию в госпиталь. Столкнувшись в госпитале с двумя часовыми, я узнал от них, что русские стоят всего в 30 км от города. Я решил, что операция подождет, и отправился домой к родителям. Оттуда я нашел дорогу на Запад...

Интервью - Eric Tobeу, редактор - Jonathan Восек (1993)

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Оригинальный текст: <http://www.dererstezug.com/VetMachui.htm>

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

РАССКАЗ НЕМЕЦКОГО АРМЕЙСКОГО ВЕТЕРИНАРА ОСВАЛЬДА МАЙЕРА (OSWALD MAIER)

Я вырос в Чехословакии в городке под названием Brůx. Теперь он называется Мост. С 1932-го по 1934-й я служил в чешской армии и почти весь 1933-й провел в школе ветеринаров. В этом качестве в 1941-м немцы призвали меня в Вермахт. В конце 41-го я попал на Восточный фронт и был направлен в *Veterinärkompanie* (ветеринарную роту) 35-й пехотной дивизии. Большинство солдат в ней были швабами из юго-восточного угла Германии, и я едва понимал их диалект. Мы носили такую же форму, как и все. Цвет лычек на погонах и кепи был красно-бурый – цвет ветеринарной службы. Такой же цвет был на лычках у офицеров Генерального Штаба. Ходила шутка, что это было сделано умышленно и эти цвета должны были совпадать для парадов: когда офицер едет на лошади, ветеринар должен следовать за ним и подбирать конские яблоки (*Pferdekartoffeln*). Вообще-то, форма моя была вполне приличной, поскольку я был *Unterveterinär*. Всякого серебра на ней было почти столько же, сколько у офицера, и я также мог носить офицерскую фуражку.

Я был под Москвой, когда там стояли ужасные морозы, потом попал в Польшу, а оттуда уже был переведен в 305-ю дивизию. Эта дивизия оказалась в Сталинграде, однако, большая часть лошадей и ветеринарных подразделений была выведена оттуда до того, как войска попали в окружение... Меня там не было, *Gott sei Dank!* (*Слава богу!*)

Лошади тоже страдали на Восточном фронте, не только люди - сейчас про это просто забыли. Мы лечили их от пневмонии и обморожений чаще, чем от боевых ранений. В России было много проблем. Наше снаряжение не годилось для тех мест. Например, матерчатые фуражные сумы к первой зиме уже износились. У военных были другие приоритеты в снабжении войск, и эти сумы менять не стали. Нам пришлось делать деревянные корыта для корма, что приводило к повышенной заболеваемости лошадей. Некоторые русские лошади несли заразные болезни, и нам приходилось дезинфицировать русские конюшни перед размещением в них наших лошадей. Но главной проблемой было то, что тупоголовые офицеры настаивали на использовании больных или истощенных лошадей. Больная лошадь на фронте заражает других: лошади, на самом деле, являются очень чувствительными созданиями, несмотря на свой ощутимый размер...

Распутица на советско-германском фронте

Мы использовали два типа лошадей: *Kaltblüter* и *Warmblüter* (буквально – *холодокровная* и *теплокровная* - реальные термины – ВК). *Warmblüter* – быстрые и подвижные лошади, используемые для езды верхом. *Kaltblüter* – крупные, медленные и спокойные лошади, используемые в качестве тягловой силы. Были у нас лошади разных пород. Теплокровные из

Восточной Пруссии были крепче и лучше сносили морозы, чем теплокровные ганноверские. Как ни смешно это звучит, но настоящие крупные рейнские и бельгийские тягловые лошади были самыми хлипкими! В России мы использовали небольших местных лошадок. На самом деле, это были крупные лохматые пони. Они были невероятно выносливыми, могли питаться березовой корой с бревен, из которых построены русские хаты, и радоваться жизни! Самой большой проблемой было то, что они были мелковаты для транспортировки тяжелых грузов и орудий. Обычно их использовали для перевозки небольших деревянных фургонов и саней. Эти лошади и эти фургоны использовались в германской армии повсеместно...

Лето 1944-го. Лошади и повозки явно замаскированы от атаки с воздуха...

В конце 1943-го я отбыл в Нормандию после окончания ветеринарной школы в Ганновере и попал в 7-ю армию. Ситуация в Нормандии была такова, что союзники господствовали в воздухе и передвигаться можно было только ночью. Однако, лошади предпочитают спать ночью, как и люди. Приходилось их будить, и лошадей это бесило – они хотели спать. Постепенно мы приучили их к ночной жизни... Подразделения, переброшенные во Францию с Восточного фронта, привозили с собой лошадей, и, конечно, некоторые из них были измотаны до предела. Мы продавали их местным и покупали новых на конских рынках. Вообще говоря, Франция – прекрасная страна для лошадей. Можно было видеть, как солдаты буквально вытаскивали своих лошадей из железнодорожных вагонов, а через несколько дней это уже были совсем другие животные! Припоминаю одного молодого парня из нашего подразделения во Франции – он был сыном фермера из Померании. Замечательный паренек, который просто обожал лошадей. Он прибыл к нам из России, и его нервная система была подорвана. Мы отвечали за эвакуацию раненых лошадей, и, когда нам в руки попадали покалеченные лошади, он буквально рыдал и толку от него уже не было. Мы решили отправить его в Германию, но по дороге, едва его поезд покинул станцию, он погиб во время воздушного налета. Поезд был загружен лошадьми, и этот парень вместо того, чтобы выпрыгнуть из вагона и залечь, как делали все, побежал присмотреть за лошадьми...

Многие не понимают, что лошадям требуется большое количество фуража, например, лошади, *Kaltblüter* - 20 кило в день! Вы можете спросить, почему это так важно и почему бы не дать им возможность есть луговую травку? Если лошадь будет питаться травой, то для получения нужного количества энергии ей придется есть траву от 6 до 8 часов в день, и тогда не останется времени на работу – все очень просто. Обычный корм состоял из прессованной смеси сена, соломы, картофельной шелухи, хлебных дрожжей, но, главным образом, овса. Это был рацион, но мы часто брали корм на местных фермах. В России это было проблемой, поскольку там вообще мало что было в наличии... Во Франции этого было навалом, но нам приходилось инспектировать

фураж, так как французы подмешивали в корма всякую дрянь, чтобы у лошадей были колики...

С военнослужащими других родов войск у нас были неплохие отношения – со всеми, кроме СС и клоунов из нацистской партии. Иногда цеплялась жандармерия, но, поскольку меня принимали за офицера, обычно меня оставляли в покое. Эсэсовцы гордо вышагивали всюду и везде и расталкивали всех, кто попадался им на пути. Нас они называли *Hilfsvölker*, что означало что-то типа «подсобник» или «разнорабочий» (*в германских колониях так когда-то называли солдат или полицейских из числа местного населения – ВК*). Так было, пока мы не становились им нужны. Как-то я ехал рядом с офицером СС из Ганновера в Магдебург. Он держался высокомерно и снисходительно, и я уже подумывал: «Когда же, наконец, закончится эта поездка!» Он спрашивал меня о чем-то, а затем использовал мой ответ для оскорбительных комментариев в мой адрес. Мы обменялись листками с адресами, и я тут же выбросил его адрес, как только сошел с поезда. Через несколько месяцев он позвонил мне и попросил об услуге. Ему были нужны специальные подковы для его личной лошади, и он попросил меня организовать это. На этот раз он был ну просто очень дружелюбен, рассыпался в комплиментах по адресу ветеринарной службы, а своих кузнецов называл не иначе как «баранами», которые толком ничего не знают о лошадях!

В боях я практически не участвовал. Как-то русский танк заехал на наш ветеринарный пункт, но застрял в ручье. Экипаж вылез из танка и попытался удрать, однако их перестреляли механики из ремонтной мастерской. Как-то раз на нас напали французские партизаны, но это закончилось так быстро, что я не успел испугаться. Из наград у меня есть медаль за боевые действия на Восточном фронте в зиму 1941-42 годов – ее получили все, кто был там в это время, еще у меня есть *Kriegsverdienstkreuz* (*награда, вручаемая за заслуги гражданским лицам и военнослужащим небоевых частей – ВК*) за службу в зимнее время.

После разгрома наших войск во Франции, я отправился в *Remonteamt* (*пункт сбора/закупки лошадей для армейских нужд – ВК*) близ Ганновера. Отсюда шло снабжение армии лошадьми. Я оставался там вплоть до прибытия союзников. У меня не было никакого желания оказаться в лагере для военнопленных, поэтому я переоделся в гражданское и попытался пробраться через линию фронта. Пришлось прикинуться чешским рабочим, не умевшим говорить по-немецки. Я уже почти добрался до дома, когда меня задержал настоящий чех в американской форме. После короткого разговора он сказал: «Ты - *Нетек* (*немец – ВК*). Что ты за человек? Уж не эсэсовец ли?» Он подметил мой акцент, да и, кроме того, на мне все еще были армейские ботинки. Так я оказался в лагере для военнопленных под Нюрнбергом, а потом в Эльзасе. Я освободился в 1947-м, но не вернулся в Чехословакию. К тому времени чехи вышвырнули мою семью, но это – другая история...

Оригинальное интервью - Richard M. Clement, Jr. - <http://www.dererstezug.com/VetMaier.htm>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

Возврат на главную страницу www.warsstory.org